

Эта полоса — отклик на просьбы многих читательниц «Клубка», интересующихся модой. Они удивлены, что, рассказывая почти из номера в номер о знаменитых модельерах, газета обходит вниманием Коко Шанель, которая, давно уйдя из жизни, продолжает возбуждать любопытство и влиять на моду. Надеемся, что публикуемые сегодня материалы удовлетворят интерес поклонниц всего прекрасного.

Французские газеты писали о коллекции, показом которой открылся Дом Шанель в 1954 году: «Скромные белые блузки, костюмы из нескладно жесткой шерсти скучного черного цвета, который безразлично сочетается с унылой набивной тканью. У манекенщиц силуэты 1930 года, без груди, без талии, без бедер». Между тем Карл Лагерфельд, признанный мэтр нынешней моды и главный дизайнер Дома Шанель, тогда тоже присутствовал на показе вместе с матерью, и вспоминал впоследствии, что вещи показались ему шикарными, точно картинки из старых модных журналов.

Редакторы отдела мод крупнейших американских изданий тоже заинтересовались коллекцией, найдя в ней перспективные идеи. Они специально послали потом фотографов, чтобы отснять темно-голубые костюмы из джерси, короткие и простые, выглядевшие своеобразной антигезой силуэтам и линиям 50-х. И действительно, в них предугадывалось наступление новой эры в моде, они стали образцом силуэтов 60-х годов.

Почему же французская пресса с таким упоением писала о провале своего прежнего кумира? Почему упорно муссировались слухи, что решение о показе было принято Великой Мадемуазель буквально под давлением братьев Вертеймеров, владельцев основного пакета акций общества «Духи Шанель», чтобы оживить продажу «Шанель № 5»?

Возвращение Шанель напоминало прибытие из ссылки некогда полновластной, горячо почитаемой и любимой монархини, от которой ее подданные за эти годы отыски и поклоняются уже новым портретам. За время ссылки мадемуазель Коко выросли и окреплись другие Дома моды — Диор, Баленсиага, Живанши, Жак Фат. Королева императора, безусловно, была у Диора, определившего линии 50-х. Шанель упрекали в том, что она отошла от жизни, а накинута на нее с той яростью, с которой обычно устраивают охоту на ведьмы. Сотрудники главного законодателя моды в прессе, журнала «Vogue» (что и переводится с французского как «Мода»), вспоминали впоследствии, что главный редактор Мишель де Брюнофф просто даже имени Шанель не могла выносить. И прежде всего потому, что сам мадам де Брюнофф был убит немцами, а Шанель подозревали в связях с нацистской Германией.

Но были ли какие-нибудь серьезные основания обвинять Шанель, и почему она провела 10 лет в Швейцарии, оторванная от почвы и воздуха столицы моды, Парижа? Война застала Шанель на вершине славы. Модные журналы посвящали ей многие страницы. Ее последние предвоенные коллекции имели огромный успех: она использовала в ней только красный, белый и синий цвета Франции, как настоящая патриотка. «Ни одна коллекция не отражает так образа мыслей ее создателя и не отвечает духу нынешнего дня, как коллекция Шанель», — восхищался журнал «Vogue». Весь Париж приходил в Дом Шанель. Были приятными ее почитатели за честь. Где бы она ни появлялась, в Париже или Монте-Карло, в Бيارрице или Довиле, окруженная поклонением и восхищением, Шанель немедленно становилась центром внимания. Композитор Жорж Орик рассказывал, что когда на одном из вечеров она танцевала «мимими» и сломалась застесав ее цепочки, сотни приглашенных на колени собирали рассыпавшиеся по полу жемчужины.

В первые месяцы войны она становится «крестной» роты, в которой служил ее молодой друг Жан Марэ. Весь ее Дом работал на эту роту, делая телогрейки, пуловеры, перчатки, пледы с грифом Шанель, которые она посылала

на фронт вместе с термосами и сигаретами. Узнав от Марэ имена солдат, имевших семьи, она отправила им к Рождеству игрушки, платья, свитера, украшения. Это не было громким, рекламным жестом. Помогая кому-нибудь, Шанель обычно предпочитала не называть себя, чтобы ей не были обязаны.

После подписания мирного договора с Германией, она закрыла свой Дом, уволив почти всех работниц. Синдикат «Haute Couture» пытался убедить ее, что для престижа Франции не следует закрывать Дом Шанель. Но она была непреклонна. Почему Шанель это сделала? Сама Мадемуазель иногда ошарашивала объясняя это тем, что была уверена: в эту войну никто не будет заказывать платья. А когда приходилось защищаться от обвинений, она подчеркивала, что так поступила только она одна, доказав свое неприязненное отношение к нацистам; другие кутюрье работали и обслуживали жен оккупантов и черный рынок. (Они впоследствии придумывали себе самые наивные оправдания). На Рио Камбон она оставила работающим только бутик, где продавалась парфюмерия, за которой потом немцы выстраивались в длинные очереди.

В первые дни февраля 1954 года весь мир моды был на грани настоящей истерики в предвкушении события одновременно выдающегося и весьма неоднозначного. Через 10 лет после высылки в Швейцарию за контакты с немцами во время Второй мировой войны и спустя целых пятнадцать лет после закрытия ее знаменитого Дома моды семидесятилетняя Коко (Габриэль) Шанель возвращалась к делам и собиралась представить свою новую коллекцию. В назначенный день, 5 февраля, пресса и покупатели, едва ли не весь светский Париж (кроме жены президента) заполнили места в прославленном салоне на Рио Камбон, 31. Шанель в шляпе и довольно странном, совсем не модном костюме, с грубым макияжем, делавшим ее похожей на старую обезьянку, устроилась на верхних ступеньках витой, отражавшейся в зеркалах лестницы, которая вела из салона в магазин так, чтобы ее не было видно зрителям.

Рядом с ней были друзья — издательский магнат Эрве Милле, манекенщица Сьюзи Паркер, светская знаменитость Мэгги ван Зюйлен. Зал был очень ярко освещен софитами, как для съемки черно-белого фильма. Воцарилась благоговейная тишина, показ начался.

Манекенщицы поплыли по сцене, но никто не решался аплодировать. Показ привлек публику в замешательство — это был настоящий провал! Пресса словно только того и ждала, чтобы накинуться на нее и растерзать.

В душераздирающем тоне популярные перья Франции жаловались: «Перед нами должно было воскреснуть прошлое, целая эпоха. Каждый из нас пришел, чтобы найти атмосферу прежних коллекций, потрясавших Париж. И вот от нее ничего не осталось...» Прошло совсем немного времени и уже к весне Шанель вернула себе лавры императрицы парижской моды. Стала ли причиной ее первого и, пожалуй, единственного провала именно неудачная коллекция? Или в этой истории можно найти отзвуки прошлого того, что происходило с Великой Мадемуазель в годы Второй мировой войны?

ТАЙНА ШАНЕЛЬ

Каковы бы ни были ее мотивы — своему другу Хорсту Шанель в то время писала, что «сейчас лучше не высказываться и пережить момент», — в годы войны у Шанель началась бурная любовная связь, которая, как считали многие, и помогла ей благополучно пережить оккупацию. В 60 лет она влюбилась в высокого красивого молодого человека, немецкого дипломата Ганса Гюнтера фон Динкляге. Это был ее последний шанс на любовь и секс, и она его использовала.

Как раз перед войной фон Динкляге стал одним из самых модных молодых людей в элитных салонах Франции. Его отец был мелкопоместным ганноверским дворянином, мать — богатая англичанка из хорошей семьи. Прекрасно сложенный, привлекательный, легкомысленный и ветреный, он пользовался успехом у женщин. Друзья называли его Шпатц — воробей. Впервые он приезжает во Францию как турист в 1928 году. А в 1933-м возвращается туда в качестве пресс-атташе Германского посольства в Париже, и его с удовольствием принимают в свете. Тогда-то Шанель и могла познакомиться с ним на одном из приемов.

Как ни странно, в Париже думали, что он предпочел уйти в отставку из Министерства иностранных дел фашистской Германии, чтобы не разводить с со своей женой, еврейкой по происхождению. И поэтому французцы отнеслись к нему как к человеку, поступившему благородно.

Шпатц представлялся эмигрантом, но через некоторое время появились основания заподозрить, что он был просто шпион, самый обыкновенный рядовой пятый колонны, засланной фашистской Германией во Францию перед вторжением. Он завел интрижку с графиней Десоффи, жившей в Тулоне, крупнейшем гражданском и военном порту Франции. Скорее всего у него было задание, связанное с информацией о французском флоте.

Когда Шпатц уезжал по делам в Швейцарию, обезумевшая от любви к нему графиня посылала ему письма. Французы перехватили и вскрыли их. Графиня была арестована и помещена в тюрьму, ее приговорили к смертной казни, но в конце концов отпустили. Автор фундаментальной биографии Шанель, Эдмон Шарль-Ру, произведя тщательные изыскания, нашел в одном из архивов ФРГ любопытный документ. Оказывается, с ним был подписан годичный контракт, по которому под прикрытием должности пресс-атташе фон Динкляге обязывался выполнять инструкции шефа пропагандистской машины третьего Рейха д-ра Геббельса. Правда, контракт не продлили.

По сведениям Нателлы Тодрия, переводчицы русского издания книги Марселя Эдриха «Загадочная Коко Шанель», во время оккупации Парижа Мадемуазель Коко обратилась к нему с просьбой помочь в репатриции своего любимого племянника, находившегося в плену. Так произошла вторая встреча с фон Динкляге, и началась их странная связь. В эту пору для Шпатца главной задачей стало удержаться в Париже, чтобы быть подальше от берлинской кровавой междоусобицы. Уйти в тень, сделать незаметным. С Коко они встречались каждый день в ее салоне над магазином на Рио Камбон. Он никогда не приходил туда в форме. Разговаривали они только по-английски. «Он же немец, его мать англичанка», — уверяла себя Шанель. Как-то еще до войны во всем великопленности своих пятидесяти лет, она сказала: «В двадцать лет вообще никто не дает вам природы. В тридцать же лепит жизнь. В пятьдесят вы должны около шестидесяти, Шпатцу на тридцать лет меньше. Для Коко он был скорее спасением от одиночества, чем любовником. Они вели жизнь затворничков. Каждый по своей причине. Шанель считала дурным тоном выезжать в занятый немцами Париже. Он — чтобы не попадать на глаза».

Библиотека «Клубка»

В начале 1943 года Черчилль и Рузвельт публично заявили о своем решении добиться полной и безоговорочной капитуляции Германии. Это означало, что война могла продлиться еще годы. Шанель, потеряв покой и, скорее всего утомившись от «пересидевания момента в тихом месте», придумала грандиозную схему, которая в конце концов должна была спасти ее саму, ее ненаглядного Шпатца фон Динкляге, да и вообще весь мир, положив конец войне.

В этой истории были захватывающие, почти детективные эпизоды. Коко задумала добиться личной аудиенции у своего старого друга Уинстона Черчилля, знакомого с ней со времен романа Шанель и близкого друга английского премьера Бендора, герцога Вестминстерского, с которым Шанель жила в конце двадцатых годов, но за которого так и не сумела выйти замуж. Она была твердо намерена убедить Черчилля договориться о сепаратном мире с немцами, чтобы положить конец кровопролитию, причем поставить неременным условием отстранение Гитлера от власти. Самым nepoшпocтнм образом немцы согласились с ее планом.

Согласие немцев было необходимо: обратиться к Черчиллю она могла только через английского посольство в нейтральной Испании, а для выезда туда нужен был пропуск оккупационных властей.

Председником выступил фон Динкляге и его друг Теодор Момм, помогавший еще в освободившемся из плена племянника Мадемуазель.

Подробности этой истории специально выясняла Нателла Тодрия, в течение многих лет собиравшая сведения о жизни великой императрицы моды нашего века. Момм начал с министерства иностранных дел. Там государственный секретарь, недавно назначенный неопытный и недалекий барон фон Мойланд, напуганный терро-

«Шанель создала женщину, которой до нее Париж не знал. Ее влияние перешло границы профессии. Ее имя оставляет в сознании след, какой оставляют великие политические деятели или литераторы. Наконец, она представляет собой совершенно новое существо, всемогущее, несмотря на легендарные женские слабости».

Морис САШ.

ром, развязанным гестапо по отношению ко многим кутюрным чинам, вежливо выпроводил Момма, заявив, что не даст хода такого рода проектам. О том, чтобы обратиться в военную разведку, не могло быть и речи. Момм знал, что Гитлер считает ее шефа Канариса ответственным за все заговоры и что под последнего сочтены. Оставалось грозное учреждение, подведомственное Гиммлеру, Имперское министерство внутренних дел. Особый мир, где самые фантастические вещи переставали быть невозможными. Момм был принят правой рукой Гиммлера Вальтером Шелленбергом.

Шеф политической тайной службы за границей уже с лета 1942-го пытался подготовить почву к тому, что он называл «компромиссным миром», — и потому с большим интересом отнесся к предложению Шанель.

Операция, которая должна была храниться в строжайшей тайне, получила кодовое название «Modellhut» («модная шляпа»). Шелленберг ничем не рисковал. Мадрид был наводнен его агентами. Шанель находилась бы там под неусыпным контролем. И хотя Шелленберг достаточно скептически расценивал результаты операции «Modellhut», он решил, что стоит попробовать: кто знает, может быть, наступит день, когда он пожелает, что отказался от предложения эксцентричного французского.

Момму пришлось ездить к Шелленбергу дважды: получить свое разрешение, Коко отказалась ехать в Мадрид одна и потребовала в компаньонки Веру Бейт, бывшую манекенщицу Дома Шанель. Бейт, англичанка, в 1929 году вышла замуж за итальянца и жила в Риме. Но Момм выяснил, что Веру недавно арестовали как английскую шпионку.

На Шелленберга это произвело неожиданное впечатление — он поверил в серьезность затеи. Вероятно, ему стало известно и то, что знала Шанель. Вера находилась в прямом родстве с королевской семьей и была любимой Черчилля. Веру доставили в Париж, но Коко не объяснила, зачем они едут в Испанию. Подруги отправлялись в путь, затаяв друг от друга свои планы. В Мадриде Шанель под предлогом необходимости походить по магазинам оставляет Веру в отеле и едет в посольство. Ее принимает посол и обещает переслать Черчиллю ее просьбу о встрече с ним. Вера же, воспользовавшись отсутствием Коко, отправилась туда же. Велико же было их изумление, когда при выходе из посольства они столкнулись лицом к лицу. Шанель первая пришла в себя и открыла Вере, что привело ее в Мадрид.

Между тем в посольстве после их ухода возникло некоторое замешательство. Дело в том, что Шанель в беседе с саром Хоором не сказала, что приехала в Мадрид с Верой. Последняя же ни словом не обмолвилась ни о Черчилле, ни о планах Коко, так как ничего о них не знала. Это не могло не смутить, тем более что дамы приехали вместе, с пропусками, выданными в один и тот же день одной и той же администрации. Это показало странное. Британские агенты решили запросить Лондон. А там предпочли не торопиться с ответом. Тем временем Черчилль тяжело заболел в Тунисе, куда поехал после конференции в Тегеране для встречи с генералом Эйзенхауэром. Ожидание затянулось. Миссия сорвалась фактически по чистой случайности.

Шанель вернулась в Париж, но на этом не успокоилась и в последующие дни 1943 года отправилась в рискованнейшие путешествия в Беолин, где перелила страшную ночь бомбежки. Никто не знает подробности ее беседы с Шелленбергом. Но после войны Шелленберг написал Момму из тюремной больницы, что Шанель ярко запечатлелась в его памяти: он просил передать «Modellhut», с каким удовольствием вспоминал об их встрече. Шанель никогда не рассказывала об этой своей эпизод. Но она вообще мало говорила о себе.

Биограф Шанель Шарль-Ру, который удалось раскрыть секрет операции «Modellhut» уже после того, как она закончила рукопись, рассказывала, что однажды ей позвонил друг Шанель издатель Эрве Милле и заявил, что адвокат императрицы моды хотел бы переосмыслить всю правду об этой сложной ситуации в жизни легендарной дамы. Адвокат открыл сейф и показал бумаги, детально воспроизводящие эту историю. Раскрыть тайну было необходимо, сказал он, так как были даже люди, считавшие, что Коко сотрудничала с гестапо. Из этих бумаг становилось совершенно ясно, что Коко Шанель пыталась стать новой Жанной Д'Арк и спасти всю Европу.

После освобождения Франции, пока американские военные закупами в бу-

тике на Рио Камбон «Шанель № 5», выстраиваясь, как и немцы, в длинные очереди, в отель «Ритц», где жила Коко, прибыли люди из организации «Свободная Франция» и арестовали ее. На допросе по поводу ее отношения с фон Динкляге Шанель ответила: «Женщина моего возраста, если ей повезло, и она сумела найти любовника, вряд ли станет заглядывать в его паспорт». Многих женщин, которые во время оккупации брали себе в любовники немцев, «Свободная Франция» обрила наголо и прогнала обнаженными в процессии позора по улицам города. Шанель вместо этого страшного суда была просто выслана в Швейцарию. Ее продолжили вывозить — или тюрьма или выезд из страны. Главной причиной такого мягкого отношения к ней все биографы Шанель считают вмешательство английского премьера. Причем совершенно необязательно, что это вмешательство было продиктовано сентиментальными соображениями и желанием выручить старую знакомую. Вполне возможно, Шанель знала слишком много британских секретов, и поэтому было крайне нежелательно, чтобы она предстала перед судом. Среди этих тайн, в частности, были и сведения о том, как Черчилль использовал апартаменты герцога Виндзорского в Париже для контактов с наци: он оплачивал аренду, чтобы герцог сохранил свою резиденцию за собой.

Шанель уехала в Швейцарию, прихватив Шпатца с собой. Они поселились в удивительно уродливом доме в Лозанне — собственно такими же уродливыми были и их отношения. Они постоянно спорили и ссорились, и Шанель даже поклаивала своего молодого любовника и нахлебника. Ее также угнетали угрозы Вальтера Шелленберга раскрыть тайны операции «Modellhut». Мастер шпионажа получил шесть лет тюремного заключения — самый маленький срок по сравнению со всеми остальными нацистскими преступниками, которых судили в Нюрнберге. Теперь он жил также в Швейцарии, был очень болен и нуждался в деньгах. Он шантажировал Шанель, обещая рассказать неприятные подробности в своих мемуарах. Он заявлял это в каждом отеле, куда переезжал и, вынужден был заплатить ему очередную сумму, быстро прожигал деньги.

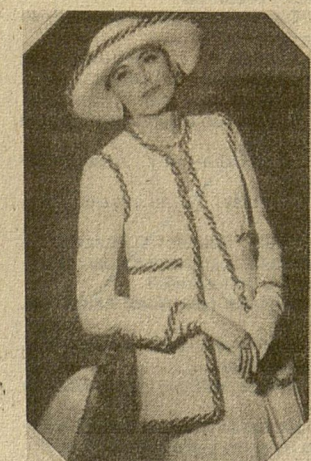
Ссылка Шанель все же была довольно условной, и, пользуясь высоким покровительством, она часто ездила в Париж, ей также была выдана виза в Соединенные Штаты. Но даже там некоторые из ее бывших клиентов отвернулись от нее, называя наистойкой. Между тем после обнародования всей этой истории сомнений в характере и цели контактов Шанель с немцами и, в частности с Шелленбергом, не осталось.

В один из своих приездов в Париж в 1947 году, наблюдая, как какая-то женщина неуверенно переходит улицу в платье от Диора — кринолин, осыпанная талия, каблучки-гвоздики — императрица моды резко заметила: «Посмотрите, как смешно выглядят женщины, которые носят одежду, сделанную мужчиной, никогда не знавшим женщину, никогда не имевшим ни одной, зато мечтавшим стать ею!». Шанель знала женщин и понимала, что они хотят носить. Представление об элегантности она черпала в мужском костюме. Она подмечала это и копировала, и это оказалось как раз тем, чего ждала от моды эмансипированные женщины XX века. Но и сама императрица моды чувствовала в себе великие, неженские силы — они-то кажутся и подталкивали ее на неудачную попытку остановить войну. Коко так и не стала новой Жанной Д'Арк, спасительницей Европы, зато осталась неподражаемой, главной революционеркой в моде, а заодно в какой-то мере в образе жизни и нравах XX столетия.

Катя ФЕЗИ.
(Журнал «Дарин-экслюзив»).

СТИЛЬ, СОЗДАННЫЙ ВЕЛИКОЙ МАДЕМУАЗЕЛЬ

● Костюм «шанель» — демократичный и элегантный. Мягкий силуэт, гармоничные пропорции, отделка кантом.

● Недорогая, но изысканная бижутерия взамен драгоценностей.

Одна из «случайных» находок Шанель — разноцветные бусины, названные как попало.

Другое предложение, актуальное по сей день:

цепочки разной толщины и плетения (но из металла одного цвета), надетые вместе.

● Мадемуазель создала и свои духи: шедевр парфюмерного искусства «Шанель № 5», потом — № 19, «Рио Камбон № 31» и т.д.

● Кроме того, Шанель подарила дамам трикотажный джемпер, платье-костюм из джерси с белыми воротником и манжетами, маленькое черное платье... И стиль «total look» то есть ансамбль «с головы до пят».

Габриэль Шанель МОДА, КАК ПЕЙЗАЖ, ЕСТЬ СОСТОЯНИЕ ДУШИ

Зимой 1946 года, когда Габриэль Шанель, закрыв свои мастерские и салон на улице Камбон, отправилась в добровольное изгнание в Швейцарию, в небольшой гостинице в местечке Ангадин она встретила своего давнего знакомого, писателя Поля Морана. Они провели много вечеров в беседах. Впервые оказавшись без своего дела и тратясь вынужденным базарством, Коко Шанель рассказывала о своей жизни. Она поражала собеседника точностью своих суждений в форме афоризмов, в них проявлялась резкость и саркастичность ее характера. Опутливыми они были уже после смерти Шанель, через тридцать лет после их встречи.

Мода нужно говорить с осторожностью, но не теряя разума и, конечно же, не позитивизировать ее. Без литературного изгнания в Швейцарию, не картина: это прелесть и недополноценное создание, а не произведение бессмертного искусства. Мода должна умирать, и умирать быстро, чтобы могла жить торговля. Творчество — художественный

дар, сотрудничество портнихи и ее времени. Платья получают удачные не от того, что научились их шить (работать в моде и создавать моду — вещи разные), мода не только в одежде, она в воздухе, в дуновении ветра, ее предчувствуют, его дышат, она в небе и на асфальте — она повсюду, но не влияют идеи, нравы, события.

Я создавала моду на протяжении четверти века. Почему? Потому что я сумела выразить свое время. Я придумала спортивный костюм для себя. И не потому, что другие женщины занимались спортом, а потому что им занималась я.

Я не стала светской модой, потому что испытывала необходимость заниматься модой, а модой я занималась именно потому, что появлялась в обществе, что была первой, кто жил жизнью века. Почему телодвижения, салоны, дорожки, рестораны никогда не бывают по-настоящему приспособлены для выполнения своего прямого предназначения? Да потому, что задуманы они дизайнерами, которые никогда не видели бури, архитекторами, которые никогда не вращались в свете,

декораторами, которые ложатся спать в девять часов и ужинаят в кругу семьи. И точно так же до меня портнихи, портные прятались в комнате за газетным, тогда как я вела современный образ жизни, у меня были такие же манеры, вкусы и потребности, как и у тех, кого я одевала.

В чем состоит гениальность модельера? Его дар в предвидении. Великий кутюрье в большой степени, чем великий политический деятель, является человеком, который осознает будущее. Талант его проявляется в том, чтобы зимой придумывать летние платья и наоборот. В то время, когда его заданные принципы жаркие солнечные ванны, он думает о морозе, о зиме.

Конечно же, когда открытие сделано, оно неизбежно должно затеряться в анонимности. Я не смогла бы использовать все свои идеи, мне доставляет большую радость обнаруживать их воплощенными кем-то другим и иногда более удачно, чем это сделала бы я сама. Вот почему я всегда, на протяжении многих лет, придерживалась другого мнения, чем мои собратья по профессии, по поводу того, что

Перевод Т. МАКЕЕВОЙ.